

Подействовали ли слова Аль-Хайтама? Сказать трудно.

Однако Сюдзи Цусима был не из тех, кто продолжает разыгрывать утомительный спектакль после того, как его раскусили. Вечно притворяться послушным ребенком, выжимать из себя фальшивые улыбки, изображать понимание и сочувствие к чужим глупостям — все это изнуряло. Но невыносимее всего было просто казаться обычным, нормальным человеком.

Так в доме Аль-Хайтама завелся сочащийся беспросветным мраком сгусток тоски, чьи владения быстро расширились на все жилое пространство.

— Тебе пора бы уже разглядеть его истинную натуру, — подперев голову ладонью, лениво обронил Аль-Хайтам.

Он с искренним любопытством наблюдал за тем, как Кавех, хоть и пребывая в легком замешательстве, на удивление быстро смирился с присутствием нового жильца.

Попытки Кавеха привить Сюдзи хоть какие-то нормальные детские увлечения раз за разом разбивались о глухую стену равнодушия.

— Хочешь порисовать? — предложил как-то раз Кавех, признанный мастер архитектуры и дизайна.

— Мне без разницы, — отозвался Сюдзи, которому совершенно нечем было заняться.

Спустя какое-то время на бумаге материализовалось нечто красно-черное, куда более жуткое, чем знаменитый «Крик» Мунка. Кавех долго и озадаченно вертел в руках лист, силясь разгадать замысел юного творца.

— Э-э... ну... — Кавех приподнял рисунок, от которого исходила почти осязаемая зловещая аура, и попытался оценить его со своей профессиональной точки зрения. — Помидор вышел... весьма экспрессивным. Очень красивый помидор.

— Это сердце, — ровным голосом уточнил Сюдзи.

Архитектурный гений Кавеха потерпел сокрушительное поражение, пав жертвой поистине inferнального художественного таланта мальчика.

В другой раз Кавех решил принести ему детские книжки, но застал Сюдзи за изучением сложнейшего трактата по фундаментальной психологии.

— Хм... А у нас, оказывается, весьма разносторонняя библиотека, — неловко пробормотал Кавех и поспешно спрятал за спину томик детских сказок.

— Еще бы! Я собрал самую полную коллекцию! — радостно вставила лишенная всякого чувства такта Система, явно напрашиваясь на похвалу.

Постепенно Сюдзи осознал, что Кавех — именно такой, каким кажется: простодушный добряк без двойного дна и скрытой гнили. После этого открытия мальчик стал вести себя гораздо прямее, перестав взвешивать каждое слово. Кавех же и не думал сдаваться. Напротив, он расценил эту прямооту как робкую попытку ребенка сблизиться и стать частью их маленькой семьи — в чем, надо признать, был абсолютно прав.

Аль-Хайтам, верный своему слову, демонстративно не вмешивался. Даже когда Сюдзи умудрился как-то схватить системного плесенника — который вообще-то состоял из неосязаемых виртуальных данных — и буднично поинтересовался, можно ли его препарировать, хозяин дома лишь включил шумоподавление на наушниках, проигнорировав отчаянный писк Системы о помощи. В конце концов, по-настоящему разобрать ее на части все равно было невозможно.

Все тот же класс, где даже деревянные парты, казалось, источали запах векового тлена. И все те же двое, чье взаимное отчуждение так и бросалось в глаза.

«Какая жуть... Этот деревянный чурбан умеет улыбаться?»

Сатору Годзё с легким содроганием косился на Аль-Хайтама. Последний, вдоволь наглядевшись на чужие драмы, пребывал в на редкость благодушном настроении, и уголки его губ едва заметно приподнимались. Для Сатору это зрелище было сродни падению метеорита на Землю или пляске старейшин клана Годзё в женских кимоно. Словом, чистой воды сюрреализм.

— Ты что, умом тронулся на днях? — озвучил Сатору самую логичную, на его взгляд, гипотезу.

— А я полагаю, что твои «Шесть глаз» окончательно перегрузили тебе мозг, — невозмутимо парировал Аль-Хайтам, выражая искреннее сомнение в психическом здоровье собеседника.

— Тогда с чего вдруг эта ухмылка?

— А почему я не могу улыбаться?

Людам свойственно выражать радость улыбкой — обычный биологический инстинкт. Вот только у Аль-Хайтама порог чувствительности к юмору был непомерно высок, и забавляли его исключительно те вещи, которые вызвали у него исследовательский интерес. Сатору до сих пор не удалось нащупать его чувство юмора, зато на нервах мужчины он плясал с завидным упрямством. Да так успешно, что вынудил того выйти из зоны комфорта ради сохранения

собственного покоя. Неудивительно, что Годзё заподозрил неладное.

Переглянувшись, они без лишних слов закрыли тему и вернулись к унылому течению лекции.

— С меня хватит, — внезапно, словно в шутку, обронил Сатору посреди объяснений Аль-Хайтама. — Я ухожу из клана Годзё.

После недавней попытки покушения контроль над ним ужесточили до предела. Теперь за каждым его шагом — будь то обед или сон — неусыпно следили надзиратели, а старейшины не упускали случая прочесть очередную нотацию. Даже сейчас, зная, что Аль-Хайтам спас их драгоценного наследника, верхушка клана не позволила им остаться наедине: прямо за дверью дежурила личная охрана.

Сатору говорил вполголоса, и эта вынужденная осторожность лишь сильнее сдавливала горло ощущением невидимых оков. Как бы это поприличнее назвать? В голове всплыло подсмотренное когда-то в книгах выражение: «канарейка в золотой клетке». Вот только он был не птицей, а «Божественным дитя», запертым в пышном фамильном святилище. Старейшины тщательно дозировали любую информацию, поступающую извне, стремясь лишить его возможности мыслить самостоятельно.

Старики дрожали над его уникальным даром, но в то же время до смерти боялись потерять над ним контроль. В этой нелепой двойственности они бесконечно поучали его, пытаясь сломать волю и превратить в послушное оружие под эгидой заботы. Сморщенные старые мандарины обожали подобные методы: душить правилами, давить авторитетом и прикрываться мнимой мудростью прожитых лет, решая за Сатору, как ему жить дальше. Обычно во время этих тирад Годзё просто пропускал слова мимо ушей. В голове звенела пустота, сквозь которую прорывался лишь мерный стук капель дождя за окном.

«Впрочем, плевать. Силой они меня все равно не удержат».

Сбежать, если он действительно этого захочет, не составит труда.

— Ну, что скажешь? — спросил Сатору.

Он не ждал от Аль-Хайтама готовых решений или сочувствия. Ему просто нужен был надежный слушатель, способный держать язык за зубами, чтобы хоть немного сбросить накопившееся напряжение.

И все же лазурные глаза мальчишки горели лихорадочным, живым блеском, выдавая истинный азарт, скрытый за напускным безразличием.

Аль-Хайтам промолчал. Несмотря на яркое солнце, пейзаж за окном казался безжизненным и холодным. Дневной свет медленно полз по комнате, пока не замер ровной полосой на

разделявшем их столе. Мужчина слегка прикрыл глаза, и на его лицо легла густая тень от ресниц.

По правде говоря, он терпеть не мог лезть в чужие дела, а уж тем более принимать за кого-то решения, способные в корне изменить судьбу. Но, похоже, подобное действительно притягивает подобное. В последнее время и Сюдзи Цусима, и Сатору Годзё упорно пытались навязать ему роль, выходящую далеко за рамки пассивного наблюдателя. А это шло вразрез с его личными планами на спокойное течение дел.

Аль-Хайтам перевел взгляд на ребенка. Каким бы несносным и заносчивым ни был этот мальчишка, в нем еще теплилась настоящая, непритворная искра жизни. И именно эту искру сейчас изо всех сил пытались затушить, заколотив ее под крышку старого семейного склепа.

— Раз уж тебе неведом страх, — ровным голосом произнес Аль-Хайтам, — делай то, что считаешь нужным.

Сатору ведь уже все решил для себя. Ему не нужен был совет — ему требовалось простое одобрение, которого он никогда не получил бы в этих душливых стенах.

«Что ж, мир за пределами этого клана наверняка окажется к нему дружелюбнее».

Захочет ли Сатору растоптать всю эту гнилую корзину со старыми мандаринами, дать ли волю своему безудержному юношескому максимализму или переписать законы этого мира под себя — в будущем он обязательно найдет тех, кто разделит с ним этот путь.

«Спишем это на финальный штрих в моем затянувшемся наблюдении».

Так Аль-Хайтам подарил Сатору первое в его жизни искреннее признание. Он и представить не мог, что эта мимолетная поддержка станет началом долгой и утомительной осады со стороны одного крайне приставучего белого кошака.

<http://bllate.org/book/18256/1755646>